

ЭЛИ БЕРТЕ

ШОФФЕРЫ,
или ОРЖЕРСКАЯ
ШАЙКА

Эли Берте

Шофферы, или Оржерская шайка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Берте Э.

Шофферы, или Оржерская шайка / Э. Берте — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Шофферы, или Оржерская шайка» - произведение французского писателя, автора многочисленных «бульварных», исторических и приключенческих романов-фельетонов и драм Э. Берте (1815 – 1891).***Роман написан в 1857 году. В нем рассказывается о похождениях шайки свирепых разбойников во Франции XVIII века. Сюжет разворачивается на фоне трагических и живописных событий Великой французской революции. Одно время автор был популярнее Дюма-отца. Берте работал во многих жанрах, открывая новые темы. Его роман «Орангутан» появился раньше «Тарзана Э. Берроуза, а «Углекопы из Полиньи» вдохновили Э. Золя на роман «Жерминаль». Книги автора переводились на многие языки, в том числе на русский. Перу Берте принадлежат и такие произведения: «Жеводанский зверь», «Дрожащая скала», «Потерянная долина», «Птица пустыни».

© Берте Э.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Глава I. Шофферы [1]	5
Глава II. Першеронская ферма	11
Глава III. Родственники и родственницы	17
Глава IV. Брейльский замок	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Э. Берте

Шофферы, или Оржерская шайка

Часть первая

Глава I. Шофферы ¹

По пыльной дороге, в нескольких лье от Ножена ле-Ротру, ехал какой-то всадник. Солнце палило эту лесистую и горную часть Перша, которая разнообразием своей растительности представляла разительную противоположность соседним, хотя и плодоносным, но обнаженным в то время равнинами Боссе.

Растительность была в полном своем весеннем блеске; леса, которыми впоследствии воспользовался Наполеон, отзываясь о них как о самых великолепных рощах Европы, красовались сейчас роскошной зеленью; высокая трава полей, готовая уже к покосу, скрывала в густоте своей прозрачные и живительные воды, поддерживавшие ее свежесть; а зеленеющие нивы, с едва налившимися колосьями, волновались тихо от дуновения своенравного ветерка.

Несмотря на кажущееся благосостояние страны, в ней царила какая-то мертвенность: обильная жатва не возбуждала радости поселян, и они как бы машинально исполняли свои полевые работы. Благословенная земля их, казалось, была под гнетом горя.

И точно, шел 1793 год. Редко где можно было достать хлеба, да и то по дорогой цене; междоусобицы и война с иностранцами опустошали селения; металлические деньги стали исчезать, а вместо них ходили ассигнации. Но что всего ужаснее действовало на людей, так это зловеющие слухи, которые, подобно смертоносным ветрам, проносились по селениям и держали их в постоянном страхе. Дорога, худо содержимая, не представляла, конечно, того оживленного вида, какой имела в былое время. Прямодушные першерские жители превратились вдруг в недоверчивых и угрюмых людей. А потому ехавший всадник редко встречал поселян, да и те поглядывали на него испуганными глазами. А иные и совсем отворачивались, делая вид, что не замечают его. Некоторые же из них, более смелые, а, может быть, и более робкие, приветствовали его братским поклоном, на который всадник наш спешил ответить тем же. Дальнейшее же сближение, какое обыкновенно бывает между людьми, едущими по одной дороге, казалось между ними невыносимым, потому что поселяне с видимым беспокойством торопились свернуть на одну из тех прелестных ферм, какими так изобиловала описываемая нами страна.

Между тем внешний вид всадника был очень и очень привлекательным. Только костюм его, по мнению местных людей, внушал какой-то страх. Шляпа его была с выгнутыми полями и национальной кокардой, а длинные и вьющиеся волосы падали на широкий галстук, сделанный из нескольких аршин кисеи. Корманьолка (модная одежда в начале революции) и панталоны его были сшиты из белой нанки с синими и красными полосками; несколько трехцветных платков, носящих в то время название «национальных», служили ему поясом, а мускулистые ноги были обуты в мягкие, но без шпор, сапоги.

Этот костюм, обозначавший тогда ярого патриота, был главной причиной того недружелюбного приема, который оказывали путнику першские поселяне, недаром прославившиеся за приверженцев старого порядка вещей (или старого закала).

Но, как мы уже сказали выше, внешность самого всадника не внушала к себе ни малейшего недоверия. Это был человек лет двадцати пяти, крепкого и красивого сложения, с при-

¹ Так называлась шайка разбойников, отличающаяся тем, что она пыталась свои жертвы огнем.

влекательной наружностью и приятными манерами. Его голубые глаза, приветливая безыскусственная улыбка дышали добросердечием. Но посторонний наблюдатель, при взгляде на это благородное и правильное лицо, был бы невольно поражен той застенчивостью, которая так сильно противоречила его санкюлотскому костюму. Поэтому-то, может быть, и не следовало делать заключения о незнакомце по его только наружному виду.

Всадник постоянно понукал свою лошадь, как бы желая поскорее добраться до места, и наемная кляча, подстрекаемая необычным образом, тяжело стучала своими копытами по пустынному шоссе. Вдруг она свернула с дороги и начала вертеться и фыркать от страха. Молодой человек, будучи плохим наездником, насилу справился с ней; но заставить лошадь идти далее он положительно был не в силах, так упорно она держалась на одном месте, поэтому он принялся отыскивать глазами причину ее сопротивления.

На окраине дороги, возле одной из тех лесенок, которые простонародьем зовутся «спусками», и по которым пешеходы перебираются через заборы, не допуская, однако, скотину, пасущуюся в парке, ходить по ним, лежал ничком человек без признаков жизни. Он-то именно и испугал лошадь и заставил ее топтаться на месте. Путник, полагая, что человек этот уснул на дороге, громко окликнул его, но, не получив ответа, слез с лошади и приблизился к нему. Лежавший в пыли был из тех разносчиков, которые ходят по деревням с разным мелким товаром. Деревянный короб, в котором находился его товар, стоял разбитым возле него. На человеке были куртка и жилет из синего беррийского сукна, такие же штаны и белые шерстяные чулки. Шляпа его с высокими полями и длинным ворсом и суковатая тросточка лежали на некотором расстоянии.

Молодой человек в корманьолке потормошил слегка разносчика, снова окликнул, но столь же безуспешно. Затем он повернул его лицом к себе, чтобы хорошенько рассмотреть лицо, обрамленное черными волосами, подстриженными в кружок. Лицо это носило печать мужественной красоты, и хотя оно было темным от загара, в нем проглядывал человек лет тридцати пяти, необыкновенно сильный. В данную минуту лицо это имело зверское, угрожающее выражение, но это выражение было вызвано, вероятно, глубокой раной, пересекавшей лоб незнакомца, откуда на дорогу брызнула черная кровь. Путешественник принял его за мертвого, но, движимый чувством человеколюбия, он решился удостовериться, не оставалась ли еще искра жизни в этом неподвижном существе. Наконец ему удалось остановить течение крови носовым платком, затем он перевязал им Рану незнакомца и стал растирать ему ладони. Конечно, небольшое количество свежей воды помогло бы скорее в этом случае, но ее не оказалось под рукой. Усилия всадника оживить разносчика оказались бесполезными, бедняга не подавал ни малейшего признака жизни. Тогда, в полной уверенности, что тот умер, всадник поднялся на ноги и стал размышлять о том, что предпринять в подобном случае. Вдруг он увидел на земле маленький портфель, выпавший, вероятно, из кармана разносчика. Желая получить какие-либо сведения о погибшем, он поднял портфель и открыл его. Между прочими ничтожными бумагами он заметил в нем три паспорта, выданных различными ведомствами трем личностям разного наименования, хотя они все трое занимались одним и тем же ремеслом, – были бродячими торговцами. Всего же поразительнее было то, что приметы описываемых в паспорте личностей совпадали совершенно с приметами умершего разносчика, так что он, смотря по обстоятельствам, мог бы произвольно присваивать себе одно из трех имен. Это дало повод путешественнику сделать вывод, что он имел дело с изгнанником, который таким образом спасал свою голову. Снова принялся он осматривать его еще с большим вниманием, но, увы! – напрасно он отыскивал в личности и одежде таинственного разносчика какую-нибудь примету, которая могла бы обличить в нем возвратившегося на родину эмигранта или прибитого горем какого-нибудь аристократа. Не нашлось на нем даже ни единой ценной безделушки; белье было из самого грубого холста, а крепкие, загорелые выше локтя руки, покрытые мозолями, свидетельствовали ясно, что профессия этого господина не подлежала ни малей-

шему сомнению: это был в самом деле один из тех разносчиков, которые в бесчисленном множестве встречались тогда во всех провинциях бывшего французского королевства.

Занимаясь осмотром бумаг, путешественник наш вдруг заметил, что неподвижное до тех пор тело разносчика слегка зашевелилось. Ободренный этим, путешественник наш принялся снова и еще с большим усердием растирать незнакомца и наконец, к величайшему своему удовольствию, увидел, что труды его увенчались успехом. Движения раненого становились более и более заметны, и краска выступила наконец на загорелом его лице. Тогда услужливый путешественник оставил его в покое и предоставил природе окончить дело. В скором времени разносчик как-то судорожно вздрогнул, невнятно произнес какое-то проклятие и начал приподниматься, опираясь на руку. Другой же рукой, одновременно он сделал угрожающий жест невидимому врагу.

Но усилия эти до того, вероятно, ослабили силы раненого, что он снова повалился на землю и остался недвижим. По прошествии нескольких минут он опять приподнялся и начал дико озираться вокруг.

– Ну что, гражданин, – спросил его молодой человек, в корманьолку, – лучше ли вы себя одетый теперь чувствуете?

На этот вопрос не последовало никакого ответа. Казалось, что незнакомый, хотя и ласковый, голос спрашивающего внушал разносчику скорее чувство страха, чем признательности: он устремил озлобленный взор свой на говорившего, как бы сомневаясь еще в добром его намерении и не сознавая оказанные им услуги.

– Ну, голубчик, – продолжал молодой человек, – приободритесь немного!.. Ваша рана, по-моему, вовсе не так опасна; все-таки позвольте довести себя до ближайшего селения: там удобнее будет перевязать вам рану.

И на эти слова не отозвался разносчик, хотя, по-видимому, он мог бы ответить если не словом, то, по крайней мере, каким-нибудь жестом. Все внимание его было обращено теперь на кожаный портфель, который держал молодой человек.

Путешественник догадался, в чем дело, и немедленно вручил ему этот портфель. Разносчик поспешно схватил его и спрятал к себе в карман. Чтобы окончательно успокоить того, молодой человек подобрал разбросанные по дороге короб, палку и шляпу и подал их раненому. Тот мигом надел шляпу на голову, схватил в руки палку и вдруг как будто успокоился. Но продолжавшееся затем молчание вывело, наконец, молодого человека из терпения, и он сказал:

– Черт возьми, гражданин, вы оглохли, что ли, или язык у вас совсем отнялся? Кажется, вы можете объяснить мне теперь, кто довел вас до того состояния, в котором я вас застал? Знаете ли вы злоумышленников? Куда, в какую сторону они скрылись? Да не бойтесь же меня, я ведь здешний мировой судья, а потому обязан осведомляться о преступлениях, какие совершаются в моем околотке.

На этот раз разносчик не мог уже скрывать своего недоверия к молодому господину и, сделав усилие над собой, ответил, отворачиваясь от него:

– Да кто же вам говорит, гражданин, что здесь кроется преступление? Я просто-напросто совершенно случайно свалился сюда.

– Случайно? Но этого не может быть.

– Да отчего же не может быть, это более чем вероятно, – возразил разносчик, и голос его, по мере возвращения сил, все более и более переходил в смягчающийся и уверенный тон.

– Я вот был на той ферме с товаром своим. Возвращаясь оттуда, я хотел было сократить путь, чтобы скорее добраться до большой дороги, и пустился по луговой тропинке. Перелезая последнюю изгородь, я оступился – груз перетянул меня и я, свалившись, сильно ударился головой об острые камни. Этот удар ошеломил меня; но теперь, слава Богу, я чувствую себя лучше: я ведь крепкого сложения, уверяю вас, и легко переносу всякую боль. – Поднявшись с

усилием, он принялся чинить свой короб, а молодой человек, осмотрев окружающую местность опытным глазом, убедился в вероятности рассказа разносчика, а потому и сказал ему:

– Тем лучше, что в этом происшествии не кроется никакого преступления, потому что в настоящее время закон бессилен что-либо сделать. Однако что же вы намерены теперь предпринять? Я полагаю, что вы не в состоянии будете продолжать свой путь с вашей ношей.

– Ну, уж об этом не беспокойтесь, – прервал его купец с худо скрываемой досадой, – со мною не такие еще вещи случались. Будь при мне хоть несколько капель водки, и помину бы не осталось от того, что случилось... Благодарю вас, гражданин, за ваши обо мне заботы, займитесь-ка теперь своим делом, а я примусь за свое. Поклон вам от меня и братство. – Надев затем короб на плечо и опираясь на свою палку он пустился было в дорогу, но силы изменили ему: сделав несколько шагов, он побледнел и зашатался. Остановясь поневоле, он сбросил с себя короб, уселся на него и произнес страшное проклятие.

Путешественник с сожалением посмотрел на него.

– Нет, – проговорил он, – я решительно не в состоянии оставить вас в таком положении, это было бы верх бесчеловечности с моей стороны, а потому, хотя мне и очень недосуг, я все-таки не могу взять на совесть подобного греха. Послушайте меня, дружище, я отправляюсь теперь в Брейль – местечко в полумиле отсюда; садитесь на мою лошадь, и мы вместе приедем к добрейшим людям, которые окажут нам всевозможную помощь.

Разносчик живо поднял свою голову.

– Как, – проговорил он, – вы беретесь доставить меня в бывший Брейльский замок и выпросить позволение переночевать в нем?

– Нет, нет, – прервал его молодой господин с некоторым замешательством, – в замок вас не впустят, и мы поедем с вами на ферму к Бернарду. По обычаю той местности он зовется Брейльским человеком. Вам перевяжут у него рану, устроят постель на сеновале и дадут на ужин кусок ветчины и стакан кваса, если только вы в состоянии будете есть.

Разносчик все еще колебался: природная недоверчивость не позволила ему сразу согласиться на подобное предложение. Он попробовал сделать еще несколько шагов, но попытка вторично не удалась ему...

– Ну уж, делать нечего, – сказал он с прискорбием, обращаясь к своему благодетелю. – Будь по-вашему, поедемте...

С трудом он влез на седло; короб кое-как привязали сзади; молодой господин взял лошадь под уздцы, во избежание какого-нибудь толчка, и таким образом путешественники отправились в дорогу.

Оба молчали сначала. Дорога по-прежнему была безлюдна: два или три пешехода едва виднелись вдали по всему протяжению пыльного шоссе, по сторонам которого посажены были тополя в два ряда.

Разносчик ожил от мерно-спокойного шага лошади и стал как-то странно поглядывать на своего вожатого; вдруг мрачная улыбка отразилась на его устах, как бы в ответ на заднюю мысль, которая только что промелькнула у него в голове.

Молодой человек и не заметил ее, он был при своих мыслях и, по всей вероятности, углубился в раздумье. Вдруг как, бы очнувшись, он обратился к разносчику и рассеянно спросил его:

– А как вас зовут, гражданин?

Тот не торопился отвечать на прямые вопросы.

– А вы как судья спрашиваете меня об этом? – ответил он ему лукаво.

– В настоящую минуту я не судья, а если бы и был облечен в знак этой должности, то неужели же вы решились бы скрыть от меня что-нибудь?

– Да и скрывать-то мне нечего, – возразил торговец. – Стоит взглянуть на меня, так всякий догадается, что я не кто иной, как мелкий странствующий торгаш. Зовут меня Франциско, в чем удостовериться можно из моего паспорта.

На эти слова молодой господин улыбнулся и возразил:

– О да, я знаю, что у вас их и не один.

Разносчик вздрогнул и ухватился сильнее за свою палку.

– Так вы смотрели в мой портфель! – закричал он ему грозно. Затем, переменив тон, прибавил с прежним радушием: – Надобно сказать вам, гражданин, что мы торгуем втроем; на днях я виделся с товарищами в трактире, они позабыли там свои паспорта, а я захватил их с собою, чтобы передать им при первой встрече. Вот почему...

– Это очень может быть, – перебил его мировой судья, – но мне показалось, что приметы... впрочем, я мог ошибиться. Однако, гражданин, у вас есть же какая-нибудь оседлость?

– Да какая же может быть у меня оседлость? Ведь я двух дней не остаюсь на одном и том же месте. Ночую на фермах, если позволят, а не то в трактире; впрочем, дороги они для нас, бедняков.

– Но имеется же у вас какое-нибудь любимое пристанище, родина, что ли, или местечко, где проживает ваша семья?

– У меня нет семьи, гражданин; детство свое я провел в деревне, около города Мана; теперь не осталось там ни одной живой души, которая помнила бы о моем существовании, а потому я не имею основания предпочитать мою родину другим селениям.

– Жаль, дружище, что вам некого любить и что вы никем не любимы. А разве вы не женаты?

– Женат, – отвечал Франциско.

– А где же проживает ваша жена?

– Она торгует, как и я. Кой-когда мы встречаемся с ней. Но скажите, пожалуйста, гражданин, – прибавил разносчик, нахмурясь, – отчего это вы интересуетесь моими делами? Конечно, вы оказали мне услугу, но ведь это еще не дает вам права расспрашивать у меня всю подноготную.

Мировой судья пожал плечами.

– Еще раз повторяю вам, – сказал он разносчику, – я расспрашиваю вас не в качестве судьи, а единственно из участия и любопытства. Если же этот разговор для вас неприятен, прекратим его, тем более что мы подъезжаем уже к Брейлю.

В самом деле, прекрасная аллея пересекала в этом месте дорогу, а в конце ее показались довольно большие строения. Путешественники наши направили свой путь к тому месту. Когда они въехали в тенистую и уединенную аллею, то увидели женщину в лохмотьях, которая держалась того же направления. Она тащила за руку пяти— или шестилетнего ребенка.

Женщина была на вид еще очень молода; кроткое и покорное лицо говорило в ее пользу, но лицо ее было страшно искажено оспой, а усталость, нужда и горе окончательно состарили ее; ребенок был тоже худощав и болезнен, но под лохмотьями видно было, что содержится он в чистоте: все внимание матери, казалось, было сосредоточено на нем одном.

Заслыша подъезжающих путешественников она посторонилась, чтобы дать им дорогу; когда же разглядела их поближе в лицо, то ужас и удивление обнаружили в ее глазах.

Опустив голову, она проговорила плаксивым голосом:

– Подайте милостыню, Христа ради!

Мировой судья подал ей монетку. Бедная женщина пустилась за ними настолько скорыми шагами, насколько позволяли силы ее ребенка. Молодой человек перестал уже думать о ней. Вид брейльских зданий пробудил в нем уснувшие на несколько минут воспоминания, и он шел в раздумье с озабоченным лицом.

Франциско, напротив, смутился при виде отставшей женщины и, наконец, сказал своему спутнику:

– Извините, пожалуйста, гражданин, от непривычки ездить верхом ноги у меня отекли... Я хочу слезть с лошади и пройтись немножко.

– Как вам угодно, Франциско.

Разносчик свободно слез на землю, видно было, что он несколько уже оправился. Пропустив товарища вперед, он с намерением отстал от него и тем дал возможность нищенке догнать себя.

Дрожь пробежала по телу бедной женщины, когда она заметила это. Однако она не остановилась, а только старалась унять и успокоить плачущего ребенка. Франциско развязно подошел к ней и спросил:

– Кажется, тебя зовут Греле. Ты ведь встречалась со мной на ночлегах в долине.

– Это правда, – отвечала нищенка с удивлением.

– Так ты из наших?

– Да.

– Я хочу, чтобы ты здесь переночевала.

Нищенка невнятным голосом обещала исполнить приказание. Франциско пристально посмотрел на нее.

– Я не могу никак припомнить твоего лица, – сказал он ей, – но я буду наблюдать за тобой. Ведь ты знаешь меня? Берегись же.

Вслед за этим он догнал своего спутника, который и не заметил происходившего разговора.

Помертвевшая нищенка осталась на месте.

Глава II. Першеронская ферма

Опередим наших путешественников и поговорим о Брейльской ферме.

Ферма эта, составлявшая главную запашку замка, находившегося в четверти мили от нее, стояла одиноко, как и большая часть усадебных запашек в Перше. Кроме большой аллеи, проходившей в нескольких шагах от нее, к ней не подходило никаких дорог, а лишь тропинки, перерезанные на каждом шагу заборами; впрочем, в описываемую нами эпоху в этой глуши то были обыкновенные и единственные пути сообщения.

Постройки фермы состояли, по обыкновению, из нескольких некрасивых строений, между которыми легко можно было угадать по их своеобразным формам конюшню, курятник, сушильню и сеновал. Большая часть из этих построек, крытых соломой, была в запущенном виде, между тем, судя по деятельности, царившей на ферме, и по числу скотины в хлевах и конюшнях, фермера следовало причислить к тем честным труженикам, которых достаток, даже изобилие на старости вознаграждают за трудолюбивую и экономно проведенную жизнь.

В этот день фермер Бернард, или как его звали в околотке, Брейльский хозяин, кончал уборку сена и давал в чистой комнате своего дома, собственно, называемой «залой», обед поденщикам, помогавшим его работникам. Сквозь растворенную дверь со двора можно было видеть большую компанию сидевших за столом, уставленным ячменным хлебом, салом, разными сырами и маленькими кружками с водкой.

Между пирующими легко было узнать тотчас же личность самого хозяина, одетого в штаны, жилет и куртку серого сукна, произведения своих овец и сработанного своими же работницами, также как и холщовая рубашка. На голове у него был красный шерстяной колпак того же изделия, так что, за исключением носового платка, фермер имел полное право похвастаться, что своим туалетом он не одолжается посторонним фабрикам; после этой главной личности шли постоянные работники фермы, одетые почти так же, как и сам хозяин, потом поденщики, уходившие вслед за этим обедом. На толстых холщовых кафтанах их еще виднелись кое-где клоки душистого сена, только что ими убранного, за каждым из них стояло по паре деревянных башмаков, подбитых гвоздями, и по котомке, подвешенной к палке, заключающей в себе весь багаж их. Все эти люди ели и пили с большим аппетитом, и среди них царствовало совершенное равенство и чистосердечная веселость.

Домашние женщины были тоже тут, но, по обычаю страны, они не имели права садиться за стол, сама фермерша, или хозяйка, тут же суежилась, прислуживая своим работникам. Как на Востоке, першские женщины обязаны были до такой степени признавать над собой превосходство мужского пола, что замужние или нет, они не могли есть иначе как стоя и после мужчин. Привычки эти были так освящены стариною, что ни одной из женщин, вероятно, никогда на ум не приходило вознегодовать на унижительность подобного обычая.

Фермерша Бернард, казалось, давно свыклась с этим законом и деятельно разделяла хлопоты своих двух работниц. Худая, бледная – доброе лицо ее говорило о каком-то затаенном горе – одетая так же, как и ее муж, она носила, по обычаю першских женщин, эти казакины, сохранившиеся еще с царствования Франциска I. Впрочем, ничто в ее наружности не отличало ее от прислуги, только головная повязка была у нее почище, да на груди висел маленький золотой крестик, несмотря на всю представлявшуюся в те времена опасность оставлять на виду этот знак религии.

Со связкой ключей в руках она постоянно ходила из погреба в сушильню, из сушильни в молочную, предупреждая желания своих гостей. Муж ее, маленький человечек с красным лицом и рыжими волосами, казался страшно вспыльчивым, обращение его с женой было до того грубо, даже жестоко, что всякая другая на месте госпожи Бернард дошла бы до отчаяния, она же хлопотала, по-видимому, об одном только, чтобы удовлетворить мужа.

Впрочем, деспотизм тут был, казалось, более наружным, чем действительным, потому что, как только его чересчур дерзкий крик выводил из себя госпожу Бернард и она обращала на него свой добрый, грустный взгляд, в свою очередь он смолкал и даже в смущении отворачивался.

Благодаря частым возлияниям разговор между мужчинами дошел до шумного веселья.

У поденщиков про подобные случаи всегда есть в запасе веселые двусмысленные песенки, наивные рассказы, постоянно очень утешающие компанию; так было и на этот раз. У одного из присутствующих был, казалось, нескончаемый репертуар, шутки и скандальные анекдоты возбуждали всеобщий хохот, даже в кругу девушек, бывших тут, так как в этой стране вольность выражений не имела никогда дурных влияний на нравственность.

Между тем, когда оратор завел анекдот, прибавляя рассказ свой циничными прибаутками об убежавшей от родителей девочке с одним военным, фермерше, равнодушной до сих пор к их грубым шуткам, сделалось почти дурно и даже сам Бернард, разделявший с нею это впечатление, прервал рассказчика.

– Ну тебя, кривой! – грубо проговорил он, – чего ты тут распелся с этими пустяками? Давай говорить о чем-нибудь другом, ведь начнешь пересчитывать все бабы глупости, так хоть говори день и ночь, так и то станет сказок на тысячу лет.

Хотя не совсем-то вежлива была эта выходка в отношении госпожи Бернард, она, однако, осталась ею чрезвычайно довольна и вскользь брошенным взглядом поблагодарила мужа.

– Постойте-ка, – начал снова Брейльский хозяин, обращаясь к присутствующим, – не знаете ли вы, ведь вам, я думаю, много приходится слышать новостей, шатаясь то тут, то там, не наделали еще каких новых бед эти разбойники из долин?

– Вы о каких разбойниках говорите, господин Бернард? – опять шутливо спросил кривой. – У нас есть, во-первых, шуаны, разоряющие селения мужичков в Бокаже, не очень далеко отсюда, потом есть мошенники, опустошающие замки бывших аристократов; кого же из двух вы достаиваете названием разбойников?

Говоривший это был мальчик лет восемнадцати, слабый, тщедушный, единственный глаз которого светился злобно и лукаво. Одет он был в толстый парусинник, на шее кое-как болтался пестрый национальный платок, от вопроса его фермер нахмурился.

– Тсс! Борн де Жуи, – проговорил наконец Бернард сурово, – или мы поссоримся! Я не мешаюсь в политику и не желаю приобретать себе врагов ни из шуанов, ни из санкюлотов; я стою за мир и согласие, воля милосердного Бога, чтоб всем было полно места под солнцем. Ты не хитри, приятель, ты хорошо знаешь, что тут дело идет не о роялистах, не о республиканцах, а я говорю о той шайке мошенников, что нападают огромными массами на отдаленные фермы и селения и жгут ноги своим жертвам, чтобы выпытать у них, где спрятаны деньги; не совершили ли они еще чего-нибудь нового? Я хочу спросить, с тех пор как ограбили ферму Поле и убили владельца Готридского замка, что там к Орлеану?

Борн де Жуи пожал плечами.

– Послушайте-ка, хозяин, – возразил он, – как это вы, умный человек, верите таким сказкам? Этих шофферов, как их называют, никто нигде не видал и, несмотря на ваше отвращение к политике, я все-таки скажу, что как между шуанами, так и между санкюлотами найдутся молодцы, способные на фарсы, приписываемые шофферам.

– И ты называешь это фарсами, – вскричал фермер. – Господи милосердный, ужасы, бесчеловечие... Но, – спохватился старик, тревожно поглядывая во все стороны, – чтоб моих слов не разнесли бы направо и налево, ведь не знаешь порой, кто тебя слушает... Конечно, я уверен, что здесь между нами нет негодаев, да и длинный язык никогда до добра не доведет.

Присутствующие, казалось, разделяли опасения хозяина, только один Борн де Жуи опять повернул все в шутку.

– А – а – а, хозяин! – снова начал он, хихикая. – Да вы, кажется, не на шутку побаиваетесь, черт возьми! Я побьюсь об заклад, что вот в этом шкафчике, так плотно у вас запертом (и он вперил свой единственный глаз в стоящий против него шкаф) найдется порядком экю, а пожалуй, так и луидорчиков, которые вы там квасите! Когда вы поселились три или четыре года тому назад в Брейле, так и тогда говорили про вас, что у вас славная кубышка, а ведь из нее с тех пор, конечно, не поубавилось, потому что сторона-то ведь здесь хорошая.

– Молчи ты! – перебил его хозяин. – И куда ты все суешь свой нос!

Но подумав, что подобная таинственность с его стороны может быть истолкована против него, прибавил, вздохнув, и уже мягче:

– Правда, было время, когда, действительно, у меня нашлось бы порядком экю благодаря моей работе и работе моего отца, но это время прошло! Переселясь, сюда я был полностью разорен, происшествие одно... до которого вам никому, конечно, дела нет, вынудило меня поспешно оставить страну, где я жил, а потому мне пришлось продать за бесценок и скотину, и хлеб, сверх того заплатить большую сумму неустойки по контракту, и таким манером у меня в один день ушло все, что было припасено. С тех пор поднявшаяся арендная цена, плохие урожаи и дороговизна работы мешают мне и по сие время поправиться. Правда, я никому не должен, не заставляю работников ждать уплаты, но во всей стране не найдется фермера беднее меня.

Не оставляя еды, гости, однако, спешили заявить свое сочувствие хозяину; только один Борн де Жуи тихо насвистывал песенку, не скрывал своего недоверия ко всему сказанному, но Бернард не заметил этого; вызванные тяжелые и грустные воспоминания, видимо, одолели его и, нахмуря лоб и опустив глаза, он сидел потупя голову.

– И все это, как подумаешь, – воскликнул он в порыве горя и злобы, – все эти несчастья, все эти унижения, все, все по милости поганой твари... чтоб ей пусто было...

– Не говори о ней, Бернард! – воскликнула вдруг его жена, несколько времени беспокойно наблюдавшая за ним. – Не вспоминай о ней и, главное, не проклинай ее, или ты меня уморишь!

И она опустила на скамейку, закрыв лицо передником.

До переселения своего в Брейль Бернарды долго арендовали другую ферму в окрестностях Мортани, у них была одна дочь, молоденькая прелестная девушка, радость и гордость всей семьи. Отец боготворил это грациозное создание, мать баловала излишней заботливостью и лаской.

Вдруг однажды заметили они, что их Фаншета (так звали дочь) обесчещена. Надобно знать всю неумолимую строгость нравов в Перше, чтобы понять тяжесть подобного горя; там падшая служанка не найдет себе больше никакого места; единственно, что ей остается, – это нищенство; если же провинилась дочь одного из богатых фермеров, составляющих в стране род помещиков, то последствия ее ошибки еще ужаснее. Ее бесчестием опозорено все семейство. Братья не смеют более показываться и танцевать на деревенских праздниках, сестрам никогда уже не найти себе женихов, а отец с матерью одеваются в глубокий траур и не прекращают его раньше двух лет. Никто из родных виноватой не согласится с ней видаться, и она немилосердно выгоняется из родительского дома на голод и холод.

Такова была судьба и Фаншеты Бернард; даже никто не полюбопытствовал узнать, кто был ее соблазнитель?.. А между тем, он был не из местных и скрылся из страны раньше катастрофы. Бернард, не колеблясь ни минуты, в зимний холодный вечер выгнал дочь из дому. Ни мольбы, ни слезы несчастной матери не могли вызвать в нем малейшего чувства сострадания к девушке.

С тех пор никто не знал, что случилось с Фаншетой. Чтоб скрыться от стыда, старики Бернард поспешили оставить страну, где дела их шли так успешно, и переселиться в Брейль, подальше от места, где было опозорено их имя.

Этому несчастью следовало приписать постоянный отпечаток грусти на лице фермерши и болезненную строптивость ее мужа; тот и другая, вероятно, еще сильно любили свою несчаст-

ную дочь, и их горе становилось более жгучим при мысли о невозможности простить ее когда-нибудь.

Рыдания, которых не в силах была долее сдерживать госпожа Бернард, вывели окончательно из себя ее мужа.

– Тебе чего еще нужно? – запальчиво закричал он, крепко стукнув кулаком по столу. – Чего присела сюда перед всеми хныкать, или хочется рассказать о том, что следует скрывать? Вот они, эти твари, – продолжал он с презрительной улыбкой, – только и умеют, что делать зло да хныкать, когда ничего уж поправить нельзя.

– Ах, Бернард, Бернард! неужели у тебя достанет духу попрекнуть меня!..

– Да замолчишь ли ты! – вскричал фермер уже громовым голосом.

Присутствующие вздрогнули, сама госпожа Бернард даже заглушила свои рыдания. Внутренняя дверь, остававшаяся до тех пор плотно закрытой, тут отворилась, и на пороге показались две женщины, привлеченные, конечно, только произошедшим шумом; одной из них было лет пятьдесят, другой, самое большее – восемнадцать. Одеты в костюм першских женщин, они обе были в трауре; по прялке с льном, бывшей у них за поясом, и веретену в руках должно было предположить, что они только что прервали занятие сельских хозяек, между тем, опытный глаз наблюдателя заметил бы, что, несмотря на поздний час дня, лен на прялке был не почат, а на веретене ниток слишком мало. Впрочем, белые изящные ручки незнакомок достаточно доказывали их непривычку работать, а особенная манера носить хотя бы и этот простой костюм явно обличала в них аристократок. Старшая поражала самоуверенностью и достоинством; что же касается до молодой, то ее милое и плутовское личико вовсе не согласовывалось с костюмом простой поселянки. По сходству между ними легко можно было в них угадать мать и дочь.

Личности эти, присутствия которых никто даже и не подозревал из пировавших, не перешли через порог, и пока дочь пряталась за мать, последняя сказала фермеру на хорошем французском языке:

– Так этак-то вы исполняете свое обещание, господин Бернард! Опять вы мучаете свою бедную жену! Стыдно вам не уважать ни себя, ни других.

Старик встал, сконфуженный и пораженный.

– Сударыня, я хочу сказать, гражданка, – пробормотал он, тоже на чистом французском, – другой раз, обещаю вам, этого не случится; не знаю, как и теперь лукавый попутал.

– Фи, фи, господин Бернард, – вставила свое словцо, в свою очередь, молодая девушка, выказывая из-за плеча матери свое надутое личико и грозя хорошеньким пальчиком.

Неожиданное явление этих двух женщин произвело необыкновенное впечатление на хозяйку дома, но скоро, вытерев глаза и сняв передник с лица, она опрометью бросилась к ним, произнося шепотом и с испугом:

– Подумайте, что вы делаете! Какая неосторожность, вас увидят!..

Остальных слов нельзя было расслышать, потому что фермерша, хотя очень почтительно, но энергично, почти втокнула обеих женщин в комнату, из которой они только что вышли, и, последовав сама за ними, затворила двери.

Все это произошло очень быстро.

Сконфуженный Бернард так и остался стоять около стола, прислушиваясь к неясному шуму, долетавшему все еще из соседней комнаты; работники мало обратили внимания на это происшествие и продолжали спокойно есть, но Борн де Жуи, сметливее остальной компании, не пропустил случая подтрунить над фермером.

– Вот как, господин Бернард, вы позволяете обращаться с собой этим тварям! Да старуха-то, кажется, способна на вас епитимью наложить, вот так молодчина! Перед ней даже и вы, кажется, робеете.

– Ты настоящая гиена! – ответил Бернард, садясь на свое место. – И какое тебе дело до того, что у меня в доме делается? Проработал ты два дня у меня в лугах, где ты, конечно, больше нашумел, чем дела наделал, да и работу-то я тебе дал, чтоб только ты мог заработать себе кусок хлеба, а потому ты у меня смотри, держи язык на привязи, если хочешь еще когда-нибудь здесь работать, а не то не только выгоню, да еще отдую вдобавок, если меня шибко рассердишь!

– Хорошо сказано! – вскрикнули работники, которым тоже не раз приходилось жутко от насмешек парня.

Последний немного сконфузился от такого общего сочувствия гневу Бернарда, продолжавшего уже более спокойным тоном:

– Конечно, мне тут нечего скрывать. Женщины, которых вы сейчас видели, родственницы моей жены; еще год тому назад они жили на богатой ферме в Вандее, но дом их сожгли шуаны, или другие, уж не знаю хорошенько; при этом хозяин, муж одной и отец другой, был тут же убит. С того времени у несчастной матери ничего не осталось, кроме надежды на милосердие Божье. Я принял их к себе, и вот они у меня – зарабатывают пряжей, чтобы платить мне за стол и кров. Как мне обижать этих несчастных созданий, и я надеюсь, что в моих поступках нет ничего дурного.

– Конечно, нет, – ответил один из гостей, – ваш поступок, напротив, очень хорош, честные люди обязаны помогать один другому.

Все сборище наклоном голов одобрило опять сказанное.

– Все знают, что вы достойнейший человек, господин Бернард, – начал опять своим медоточивым голосом Борн де Жуи, – но если же вы так бедны, как говорите, то как же у вас средств хватает на подобные милостыни?

– Эти женщины, говорят тебе, обрабатывают нам наш лен, а это чего-нибудь да стоит, наконец, где же ты видал, молокосос, чтоб даваемая милостыня обедняла дающего? Как ни беден, но никогда не откажу несчастному ни в куске хлеба, ни в ночлеге на сеновале; так бывало прежде и так оно будет всегда, пока Господь благословляет труды мои.

Снова работники почти единогласно заявили свое сочувствие сказанному, и Борну де Жуи неудобно было противоречить фермеру, а потому он, переменив тон и уже с легкою иронией, прибавил:

– Право, господин Бернард, вы говорите точно проповедник с кафедры. Зато у вас здесь в нескольких шагах есть сосед, в старом Брейльском замке, старый скряга, который вот уж наверное не разорится на милостыню. Говорят, пожелай он, так найдет в своих сундуках, на что купить весь Перш, а между тем скорее допустит какого-нибудь бедняка умереть с голоду у своего порога, чем дать ему кусок хлеба.

– На этот раз ты прав, Борн, – перебил его говоривший перед тем работник, – гражданину Ладранжу, хозяину замка, смерть как хочется прослыть за ярого санкюлота, но такого скряги, как он, не было, да и не будет, кажется. Два года тому назад я нанялся у него вспахать огород, и черт меня побери, если я выпросил у него лишний лиард сверх самой низшей поденной платы, а эта старая хрычовка, его ключница, не дала мне даже стаканчика водки, между тем, как, раз нечаянно зашедши в комнату, я там увидел шкафы, сверху донизу заполненные серебряной посудой. Да, недостатка в богатствах там нет; конечно, лучше было бы, если б богатство это было в более приличных руках... я поручусь, что от этого старого скряги Ладранжа и вам, хозяин, достаются невеселые минуты.

– Не жалуясь, – ответил фермер лаконично, – если господин мой строго требует ему следуемое, значит, не надобно ему должать, – что касается до меня, то я его не осуждаю.

– Вы хорошо говорите, Бернард, а мы вольны думать, что хотим... Эй, ребята, не так ли? Право, это просто срам, что существует и такой скряга. Ну кто поверит, что при его богатстве

он не держит других слуг кроме работника, Мальчишки, и старой хрычовки-ключницы, да еще и этим-то, говорят, редко приходится досыта наесться.

– Так это он там один живет у себя на вышке, как сова? – вскрикнул Борн, – и ты, Жан, говоришь, что видел у него шкафы, полные серебра?

– Да, потому что я действительно их видел, мало того, поговаривают, что у него есть такая комнатка, куда кроме него никто не ходит и которая полнехонька серебра да золота.

– Тише вы! – перебил их фермер, – или хотите вы, чтобы из-за вашей пустой болтовни убили бы нашего хозяина? Конечно, правду говоря, он не очень-то добр ко мне, ну да загорюете ведь сами, если по вашей милости с ним беда случится.

На рысей фигуре Борна де Жуи яснее выразилась насмешка.

– Ну, – сказал он, смеясь, – вы все-таки еще думаете об этих разбойниках, шофферах, которыми нынче только дураков пугают. На пятьдесят верст кругом только и толков, что о них, а, между тем, постоянно вертяться в тех местах, где они, по рассказам, делают более всего опустошений, я никогда не мог ничего узнать о них. Впрочем, если шайка эта и существует, то никогда она не заберется в эту сторону Перша, и я побьюсь об заклад, что никогда...

И не dokonчив фразы, Борн остановился с разинутым ртом. Сидя против отворенной двери на двор он увидел в эту минуту вошедших туда нескольких человек, то были: Франциско, разносчик, по-видимому, еле тащившийся, опираясь на свою суковатую палку и с окровавленной повязкой вокруг головы, за ним молодой путешественник, ведущий под уздцы лошадь, все еще навьюченную коробкой торговца, а несколько позади них нищая, о которой мы упоминали, но уже несшая теперь на руках своего окончательно изнемогшего от усталости и голода ребенка.

Едва взглянул наш честный старик Бернارد на новоприезжих, как радостно закричал:

– Точно, я не ошибаюсь! Это наш добрый господин Даниэль Ладранж, мировой судья, верно, едет повидаться с нашим барином, своим дядюшкой.

И он торопливо поднялся с места, а примеру его последовали и все прочие, так как обед уже был кончен. Никто не заметил изумления Борна де Жуи при виде товарища Даниэля Ладранжа.

Пока все были в движении и хозяйка принимала гостей, мальчишка в раздумье бормотал про себя, рассматривая разносчика:

– Он! И кой черт там случилось! Он не должен ведь был прийти... Ничего! Будет, конечно, потеха, но я устою прямо! Он-то шутить не любит!..

Глава III. Родственники и родственницы

Между тем Даниэль Ладранж, так как мы уже знаем имя путешественника в камзоле, привязав лошадь к железному кольцу во дворе, подошел к дому. Брейльский хозяин выбежал на порог встретить почетного гостя.

– Привет и братство, Бернард! – дружески сказал Даниэль, пожимая руку фермеру и повернувшись потом к аутеронам, неловко ему кланявшимся, прибавил:

– Привет и вам, честные граждане!

– Пожалуйте, пожалуйста, господин Даниэль... гражданин Ладранж, хочу я сказать, – заговорил дружески и почтительно фермер. – Здесь вам все будут рады, отдохните у нас, выкушайте стаканчик винца.

– Благодарю, Бернард, но я тороплюсь в замок, так как хочу вернуться в город сегодня же вечером, а дороги наши, несмотря на все наши усилия, далеко не безопасны. Я к вам заехал, любезный Бернард, на одну минуту и только лишь для того, чтобы доставить вам возможность сделать доброе, случай, которым, я убежден, вы не упустите воспользоваться. Уверен тоже и в том, что здесь все как следует понимают обязанности гражданства и равенства, не правда ли, мои друзья?

Последний вопрос молодого человека относился к работникам, собравшимся уже уходить.

Большая часть из них промолчала, некоторые же, помоложе, в том числе и Борн де Жуи, с поддельным или искренним, но с жаром, воскликнули:

– Да здравствует нация!

Видя, как мало энтузиастов, молодой чиновник двусмысленно улыбнулся.

– Гм! – пробормотал он. – Чувство патриотизма могло бы здесь иметь побольше отголоска, но дело не в том, в настоящее время... Бернард, я привез к вам раненого!

И в нескольких словах он рассказал, как нашел Франциско без памяти лежавшим на большой дороге, и просил оказать ему нужную помощь.

Тот же, о котором шла речь, вошел в комнату, тяжело таща за собой свою коробку и как будто выбившись из сил, упал на первый попавшийся ему стул, внимательно оглядывая, между тем, каждого из присутствующих; но ничего в этих честных и загорелых лицах не привлекло на себя его внимания. Взглянув же на Борна де Жуи, он не мог удержаться от не замеченного никем движения так, что и в голову не могло прийти окружающим, что они знакомы.

– Не унывайте, приятель, – обратился к нему Бернард, – у нас в стороне нет докторов, но моя жена сама составляет один бальзам, знатно заживляющий раны, она вам сейчас же перевяжет голову, и я ручаюсь за скорое выздоровление; ну! – продолжал он, уже начиная горячиться, – где ж она, глупое-то создание?

– Здесь я, здесь, хозяин, – отозвалась входящая в эту минуту фермерша.

И вслед за этим добрая женщина подошла к раненому, а за ней ее работницы несли мазь и полотняные бинты. Следы слез уже исчезли с впалых щек госпожи Бернард, и лицо ее приняло опять свое обычное безответно-грустное выражение.

Франциску, казалось, было весьма неприятно привлекать к себе общее внимание, он даже попробовал отказаться от ухода госпожи Бернард, но она, насильно сняв с головы его повязку и омыв рану, снова перевязала ее. Рана эта была хотя и широка, но не опасна.

– Ну, в добрый час! – начал опять Даниэль Ладранж. – Право, отрадно видеть, как свято сохраняется у вас в доме, Бернард, закон человеколюбия... Но с нами вместе сейчас тут была еще одна бедная женщина, нищая, что с нею случилось?

Из-за толпы присутствующих в эту минуту послышался слабый крик, и оглянувшиеся увидели на пороге без чувств лежащую нищую.

При входе под гостеприимный кров фермера, из-за усталости или по другой какой причине, силы изменили бедной женщине, и она тихо опустилась, увлекая за собой и мальчика, но, движимая инстинктом матери, падая, она оттолкнула его от себя, так что ребенок нисколько не ушибся. Картина была раздирающая душу. Бернард бросился поднять мальчика.

– Кажется, эта женщина идет издалека, – сказал Даниэль, – и, конечно, усталость, голод, может быть...

– Голод! – вскричал фермер.

И подбежав к столу, он отрезал огромный ломоть хлеба, но вспомнив, что лежащая без чувств женщина не может воспользоваться его милостыней, подал его ребенку, который в ту же минуту смолк и принялся жадно есть.

Госпожа Бернард, слышавшая все это и рассеянно доканчивавшая свою работу, наконец не выдержала долее: бинты вывалились у нее из рук и, оставив своих женщин оканчивать перевязку, она подошла к нищей, шепча:

– Женщина... с ребенком! Бедна! Голодна...

– Ну ладно, ладно! – прервал ее муж с нетерпением, – опять не выкинешь ли какой глупой сцены?

Но, не слушая его, госпожа Бернард, став на колени около незнакомки, боязливо всматривалась ей в лицо.

– Нет, – сказала она наконец, как будто говоря сама с собой, – та была гораздо моложе, свежа, весела всегда... впрочем, та и не посмела бы! Нет, никогда она не осмелится. – Она вздохнула, у нее из глаз выкатилось несколько слезинок, и она тихо, но усердно принялась ухаживать за нищей.

Между тем работники, совсем готовые в дорогу, стояли со своими куртками в руках и узелками, вздетыми на закинутае через плечо палки, выжидая удобной минуты, чтоб проститься с хозяином.

Старший над партией подошел к фермеру, игравшему с ребенком нищей и в то же время разговаривавшему вполголоса с Даниэлем.

– Итак, до свидания, хозяин! – заговорил он дружеским тоном. – Мы торопимся, чтоб засветло дойти до деревни Кромиер, где, верно, найдем работу.

– Прощайте, ребята! – ответил Бернард, – желаю успеха! Да приходите опять во время жатвы, работа будет, снопы придется возить.

– Давай Бог, хозяин! Эй вы, остальные, в дорогу! А ты что ж, Борн? не идешь разве с нами?

– Я передумал, – ответил косой, небрежно развалясь, – и до завтра не уйду. Я сильно устал, проработав целый день на солнце.

– Лентяй! – проговорил с презрением Бернард. – Впрочем, делай, как хочешь, места и для тебя хватит на сеновале.

По уходе работников в зале фермы стало тихо. Даниэль Ладранж продолжал разговаривать с фермером, жена которого со своими служанками хлопотала около бедной женщины, все еще не пришедшей в себя и перенесенной ими уже на кровать. Через несколько минут шепот между разговаривавшими мужчинами усилился и перешел уже в громкий говор, когда Даниэль с жаром вскрикнул:

– Да это низость, это подлость! Будь он мне родной отец, и тогда я не скрыл бы от него мнения о его гнусном поступке. При подобных обстоятельствах отказать в убежище своей родной сестре и племяннице! Я сейчас поеду и объяснюсь с ним.

– Шшш! – остерег его Бернард, снова начавший говорить что-то вполголоса; но и во второй раз Даниэль не смог удержаться.

– Они здесь! – перебил он фермера в волнении, – у вас?.. Проведите же скорее меня к ним, Бернард; ведь, собственно, для них и в замок-то я еду, следовательно, мне скорее хочется их увидеть, и я не могу ехать к дяде, не повидавшись с ними.

Брейльский хозяин, видимо, был в замешательстве.

– Я не буду скрывать от вас, господин Даниэль, что дамы эти, особенно мать, дурно расположены к вам. Они упрекают вас за ваши... ваши... как бы это сказать?

– Мои политические убеждения, не так ли? Неблагодарная!.. Но Мария, кузина, не может же и она быть ко мне такой же строгой, как ее мать. Не правда ли, Бернард, что у Марии нет ко мне ни вражды, ни злобы?

Фермер двусмысленно улыбнулся, а Даниэль продолжал:

– Ничего! Пусть осыпают они меня обидами и упреками, но все же мне необходимо увидеться с ними. Бернард, пожалуйста, попросите принять меня на одну минуту.

Фермер кивнул головой в знак согласия и, прежде чем выйти из комнаты, подошел к разносчику, остававшемуся до сих пор в своей усталой позе.

– Ну, приятель, – сказал он, – теперь ваша рана перевязана, вам бы пойти скорей заснуть туда на сено, которое мы только что сложили; после подобной передряги, как ваша, вам нужен покой.

– Сейчас пойду, хозяин, – отвечал разносчик покорным тоном, – и много благодарен вам за ваши милости, действительно моя бедная голова сильно болит, и я насилу на ногах держусь.

– Постойте, – торопливо вмешался Борн де Жуи, – я вас сведу на сеновал, да уж и снесу туда вашу коробку с товаром, которая, верно, при теперешней вашей слабости и тяжеловата для вас; надобно ведь помогать друг другу, как говорит гражданин судья.

– Это хорошее правило, и гражданин мировой судья его отлично применяет к делу; благодарю тоже и его, в ожидании, что Господь наградит его своими милостями.

И он вышел с Борном де Жуи, так любезно предложившим свои услуги.

Между тем нищая начала понемногу приходить в себя и не замедлила открыть глаза; взгляд ее, сначала тусклый и бессмысленный, остановился на фермерше, и еще мгновение и не только глаза, но все лицо ее озарилось мыслью и сильным чувством.

– Хозяин! – вскрикнула добрая фермерша пресекающимся от волнения голосом, – умоляю тебя, приди сюда, посмотри!

– Что там еще? – спросил, подходя, и все еще с ребенком на руках, Бернард.

Тут внимание несчастной нищенки перешло на другой предмет; глаза ее обратились на Брейльского хозяина, и, скрестив на груди руки, она вскрикнула: невыразимое счастье отразилось в каждой черте ее лица. Крик этот был до того способен потрясти душу всякого слышавшего его, что даже сам фермер смутился.

– Бернард, не находишь ли ты сходства в этом голосе, в этом взгляде?..

– Замолчи! Ну, честное слово, ты окончательно с ума сойдешь, думая постоянно все об одном и том же; не видишь разве, что несчастная женщина просит за своего мальчугана, может, она боится, что его у нее съедят, да он и в самом деле такой красавчик, что укусить хочется.

И старик-добряк, несмотря на свою обычную суровость, поцеловал ребенка, ему улыбавшегося, и положил его около матери на постель.

– Но, – продолжал он уже со своей всегдашней горячностью, – однако у меня много дел, чтобы заниматься с этим созданием; да к тому же ей здесь и не место, отведите-ка ее в сушильню. Да туда и снесите ей все нужное, а потом каждый к своей работе! Ведь дело-то не будет делаться, пока мы будем ворон ловить.

И он вышел в соседнюю комнату, а когда через пять минут вернулся, в зале никого уже не было кроме Ладранжа, в волнении ждавшего его возвращения. Сделав знак молодому человеку следовать за ним и впустив его в комнату, где находились таинственные незнакомки, он скромно удалился.

Комната эта была устроена с тщательностью и опрятностью, мало свойственной першским фермерам; два решетчатые окна, выходившие во двор, пропускали в комнату свет и воздух; белая деревянная кровать, такой же стол, стулья и большой шкаф, все это было так тщательно вычищено, что блестело, как полированное.

Между тем, ничто в особах, живущих в этой комнате, не обнаруживало лиц высшего круга; ни малейшего предмета роскоши, ни малейшего украшения, ничто, одним словом, не шло вразрез с этой сельской обстановкой; только два фаянсовых горшка, стоявших на камине, были наполнены свежими цветами.

Несмотря, однако, на всю эту простоту, так походившую на бедность, комната имела такой свежий, такой приличный вид, что на ней лежал отпечаток ее временных обитательниц.

Особы, которых мы вскользь увидели в предшествующей главе, сидели у окошка; костюм их остался тот же, только прялки исчезли, и обе казались чрезвычайно взволнованными, но строгие черты лица матери выражали горе, гнев и презрение, тогда как на прелестном личике девочки сквозь замешательство проглядывали удовольствие и надежда.

Даниэль тоже был очень взволнован, и сердце его сильно билось, несмотря на это он не выговорил ни слова, пока крепко не затворил за собой дверь, и только тогда, сняв свою шляпу, он бросился к обеим женщинам со словами:

– Маркиза!.. Милая моя Мари! Как я счастлив, что снова вижу вас!

– Здравствуйте, кузен Даниэль! – ответила молодая девушка с увлечением, и она собралась уже протянуть брату руку, а может, и подставить щечку, как взгляд матери остановил ее. Во взгляде этом было столько вражды, что он ошеломил Даниэля; гордая женщина, кажется, наслаждалась его замешательством.

– Привет вам, гражданин! – сказала она, наконец, колко и с иронией. – Я тотчас догадалась, услышав возгласы, раздающиеся при настоящих ужасных событиях, что причиной им здесь должен быть только ваш приезд или приезд моего достойного брата. Но как, кажется, братец мой из таких пустяков, как, например, навестить нас, не покинет своего дома, боясь, вероятно, скомпрометировать себя, значит, оставались вы один, способный возбудить подобный взрыв патриотического энтузиазма. А потому сознаюсь в своей недогадливости, мне следовало бы сразу узнать Даниэля Ладранжа... если вы только до сих пор удостаиваетесь еще носить это имя, может, вы его уже переменяли на имя там какого-нибудь Брута или Муция Сцеволы, или Катона, как сделала большая часть из ваших приятелей санкюлотов.

Хотя молодой человек заранее готовился к худому приему своей тетки, все же он был далек от мысли встретить так много злобы и презрения, а поэтому грустно ответил:

– Маркиза! Умоляю вас! не относитесь ко мне так дурно. Хотя я и усвоил в некоторых отношениях новые идеи, но ничто не изменилось во мне, я остался все тем же вашим Даниэлем, сыном вашего меньшего брата, бедным сиротой, которому когда-то вы и господин маркиз оказывали так много любви и участия.

– Не произносите этих имен! – перебила его маркиза, топнув ногой. – Не смейте говорить ни о моем брате, этом честнейшем из людей, ни о моем муже, этом великодушном мученике, или вы с ума меня сведете! Неужели вы думаете, что, если бы жив был мой брат, такой добрый, справедливый, он согласился бы признать своего сына под этим позорным костюмом, который я на вас вижу; не думаете ли вы, что и муж мой любил бы вас, если б мог ожидать, что впоследствии вы будете разделять мнения его палачей? Да, его палачей, потому что ведь это друзья ваши, Даниэль Ладранж, пролили эту драгоценную кровь...

Слезы пресекли ее голос. Мария и Даниэль тоже были растроганы.

– Маркиза! Дорогая тетушка, – начал мировой судья после нескольких минут молчания, – умоляю вас, соберитесь с духом, придите в себя... ваше горе, как ни естественна причина его, делает вас несправедливой и жестокой. Но что я могу сделать один против ожесточенной нации? Должен настать день, когда народ устанет свирепствовать, и тогда, быть может,

честным людям удастся все совершенно успокоить. До тех пор они только могут, как отдельные личности в округе своих обязанностей, делать возможное добро, о чем я теперь и пекусь, маркиза, и в чем мне иногда удастся успевать, точно так беру небо в свидетели, что если бы я мог, рискуя своей жизнью, спасти вашего мужа, так горячо любимого мною дядю, я ни одной минуты не задумался бы сделать это.

– О, мама! Верьте ему! – вскричала мадемуазель де Меревиль, бросаясь на шею к маркизе. – Ручаюсь вам, что Даниэль спас бы непременно моего доброго папу, если бы только это было возможно.

– Замолчите, сударыня! – сказала повелительно маркиза. – Что ж, вы верите всем этим пустым бессмысленным фразам, этим по наружности высоким чувствам? Я знаю, что действительно гражданин Даниэль говорит всем, что он приносит себя в жертву своему семейству; конечно, вместо того, чтоб осуждать его, мы должны бы были удивляться ему и питать к нему чувство глубочайшей благодарности!..

– Отчего же и нет, мама? – смело перебила ее молодая девушка. – Даниэль уже оказал нам такие услуги...

Настала очередь Даниэля перебить ее.

– Ради Бога, кузина, – сказал он, – не навлекайте на себя, защищая меня, гнева, если уж не оправдываемого, то объясняемого столькими несчастными событиями... Я не хочу оправдывать себя, – продолжал он, обращаясь к маркизе, – теми услугами, на которые я мог бы указать, начиная с самого начала этой революции; сознаюсь, собственные размышления, изучение прав, особенный инстинкт, может быть, заставили меня усвоить некоторые мнения, восторжествовавшие нынче. Но я не оправдываю строгого, безжалостного применения этих правил, я оплакиваю крайности, ими вызываемые, но, как и многие другие, я думаю, что эти преходящие неурядицы породят добро. Между тем, клянусь вам, маркиза, что я с уважением и состраданием смотрю на все ее жертвы, сильно хотелось бы мне спасти их, но что может один человек против урагана?

– Еще раз, все это – одни фразы, – ответила маркиза мрачным голосом. – Если бы в вас действительно были те великодушные чувства, которыми вы играете, почему бы вам было не употребить ваше влияние, рискнуть даже вашей собственной безопасностью, чтобы избавить вашего дядю, моего мужа, от ужасного мщенья ваших «достойных» друзей?

– Сжальтесь, маркиза! Не обвиняйте меня, – возразил с отчаянием Даниэль, – не упрекайте меня за то, что есть не что иное, как действие несчастного случая. Как ни тяжелы для вас и для Марии эти воспоминания, но все-таки позвольте мне напомнить вам, как дело было. Ни вы, ни ваш муж из чувства, которое я уважаю, не хотели оставить страну... уверенные в уважении и привязанности к вам ваших соседей. Вы мирно жили в вашем Меревильском поместье, местности отдаленной, куда рев общественной бури доходил значительно ослабевшим, был почти незаметен. Господин де Меревиль принадлежал к числу тех благоразумных дворян, которые были не против революции в ее начале, он признавал необходимость сокращения злоупотреблений монархической власти: в нем самом не было ни заносчивости, ни предрассудков своего сословия, что он доказал уже и тем, что женился на вас, маркиза, принадлежащей хотя почтенному семейству, но все же из среднего класса. Кроме этого, в нем было так много добродушия и простоты в обхождении, он умел так хорошо овладевать сердцами, следовательно, можно было надеяться, что вы останетесь забытыми, к тому же я рассчитывал и на свое влияние в стране, чтоб удалить от вас все нападки и опасности. В это время случилось происшествие десятого августа. Целый свет содрогнулся от ужасного поступка, совершенного народом; между тем мне казалось, что и это сотрясение должно было пройти без влияния на вас, как вдруг я узнаю, что господин де Меревиль скрылся и что вы с кузиной одни остались в замке. Я подумал, что дядюшка оставил страну и, встревоженный, поспешил к вам. Вы попробовали меня разуверить, маркиза, сказали, что он поехал по своим делам и не замедлит вернуться.

Я не поверил вашему наружному спокойствию, тщетно старался выманить у вас вашу тайну, но только, к большому своему прискорбию, увидел, что вы уже начали опасаться меня, и с разбитым сердцем я уехал от вас, ничего не узнав наверное, что произошло? Я не знал, но угадывал только одно, что терпение благородного либерала истощилось, но на какое опасное предприятие он решился, угадать я не мог, а узнал только тогда, когда вмешаться с надеждой на успех было уже поздно. Однажды, месяца два тому назад, я прочитал в газетах страшную новость; долго я не мог верить, в глазах рябило, голова кружилась, а, между тем, дело было верно, несомненно, и я узнал, наконец, то, что вы имели духу скрыть от меня.

Маркиз де Меревиль, испуганный слишком быстрым развитием революции и громадными размерами, ею принимаемыми, тайно подстрекаемый неосторожными друзьями, отправился в Париж, чтоб участвовать в смелом предприятии, цель которого была освобождение короля и королевского семейства. Заговорщики, не имея возможности предупредить катастрофу двадцать первого января, тем не менее упорствовали в своем намерении спасти королеву и дофина, но им изменили, их арестовали и двадцать четыре часа спустя после этого все было кончено.

Как видите, маркиза, я узнал одновременно из журнала и о необдуманной попытке этих смелых дворян, и о несчастных последствиях этой попытки. Может быть, если бы вы с самого начала сказали мне, в какое опасное предприятие пускается дядюшка, мне удалось бы уговорить его, не удалось бы это, я бросился бы в Париж и, рискуя, хотя... но вы побоялись довериться мне, и нам пришлось всем оплакивать эту недоверчивость!..

Несмотря на всю глубину горя, меня поразившего, я сознавал, что прежде всего мне надобно было заботиться о вашей безопасности. Я предвидел, что вас не оставят в покое в Меревиле, и, действительно, два дня спустя после прочтения ужасной вести я получил, как административный чиновник, приказ от полиции о немедленном вашем аресте; но мне удалось предупредить вас и найти вам убежище. Не решаясь сам поехать в Меревиль, так как мое отсутствие могло породить опасные подозрения, я послал к вам одно доверенное лицо, чтоб отвезти вас переодетыми в ту же ночь сюда. Мне казалось, что в Брейльском замке, под покровительством вашего брата, имеющего вид от революционного правительства и демократический образ мысли которого всем известен, вы были бы вне всякой опасности, а потому я немного успокоился, когда мой поверенный, возвратясь отсюда, сообщил мне, что вы благополучно добрались до этого мирного округа.

Вот мое поведение за все это время, маркиза. И позвольте мне спросить вас, может ли оно назваться поведением честного человека и доброго родственника?

С этого времени я мог только издали наблюдать за вами, не смея сам приехать, потому что и за мной тоже следят, и малейшая неосторожность с моей стороны может погубить меня вместе с вами. Я был уверен, что вы находитесь у вашего брата в доме, в собственный интерес которого должно бы входить покровительствовать вам; но судите о моем изумлении, когда, не вытерпев долее и пренебрегая опасностью, только чтоб навестить вас, я, приехав сюда, узнаю, что дядя Ладранж отказал в убежище своей сестре и племяннице и что, приняв их только на одну ночь в замке, он потом из страха и эгоизма предоставил своему фермеру заботу о двух несчастных беззащитных страдальцах и что даже во все это время ни разу не приехал на ферму, чтоб навестить, утешить, ободрить их. Теперь я еду к нему, я постараюсь заставить его покраснеть за свое поведение.

– Почему ж вы удивляетесь этому поведению и за что тут краснеть моему брату? – спросила с горькой иронией маркиза. – Ваш дядя, гражданин Даниэль, остается верным самому себе, он не ищет, подобно другим, возможности скрыть свой эгоизм под маской самоотвержения и великодушия. Делав столько для сохранения своего состояния и жизни, станет ли он все это подвергать опасности, давая у себя пристанище вдове и дочери аристократа и заговорщика? Наконец, и гражданка Петронилла, его экономка, не простила бы ему этого... Впрочем,

прекрасный братец мой и сам расчетлив, а ему слишком бы дорого стоило содержать двух бывших дворянок; гораздо лучше, под предлогом их безопасности, отправить их на легкую пищу и мало стоящее содержание Першской фермы.

Но, пожалуйста, оставим этот разговор, милостивый государь, ни моя дочь, ни я, мы не жалуемся и ни у кого милостей не просим, а уж если нам предоставлен выбор благодетелей, то мы, конечно, предпочтем всем другим честных поселян, приютивших нас.

Эта преднамеренная недоверчивость, эта потребность ненавидеть, проглядывающая во всяком слове маркизы, в высшей степени огорчили Даниэля.

Глава IV. Брейльский замок

Прежде чем идти далее, нам нужно дать читателю некоторые нужные сведения о семействе Ладранж, несколько членов из которого будут играть важные роли в этом рассказе.

Ладранжи были одни из тех богатых семейств, которые, несмотря на свое мещанское происхождение, живут в провинции наравне с дворянами. Может быть, даже предки их и были из дворян, как уверяли некоторые из них, но два или три поколения пренебрегли возможностью заявить права на свое дворянство; богатство их шло еще от Петра Ладранжа или де ладанжа (в этом-то и заключался спор), оружейного мастера, поселившегося в конце шестнадцатого века в Нанте и скоро обогатившегося через морскую торговлю; потомки его прекратили торговлю, но, что бывает чрезвычайно редко, их состояние не уменьшилось в течение двух веков, так что во время революции оно было громадно.

С другой стороны, Ладранжи не упускали ничего для приобретения влияния в стране. Они были в родственных связях с самыми почтенными семействами из Боссе и Шартра, некоторые из них служили отлично по магистратуре в городе Шартре, двое были уездными судьями; последний из них, Павел Ансельм Ладранж, умерший в 1780 году, был отцом Даниэля.

Павел Ансельм, или, как в семье и даже во всей стране звали его, «судья» имел старших брата и сестру. Старший брат его, настоящий владетель Брейльского замка, в котором он и жил, наследовав по тогдашним законам все состояние семьи, проявил себя в самой ранней молодости слишком корыстолюбивым и жадным, чтобы брат с сестрой могли ожидать от него чего-нибудь определяемого законом, а потому Павел Ансельм должен был довольствоваться скромным местом, купленным для него отцом в Шартре, сестра же была предназначена в монастырь.

К счастью, Павел Ансельм был человек недюжинного ума, а сестра очень хороша собой, и пока первый постепенно возвышался, достиг одной из первых ступеней магистратуры в родном городе, вторая вышла замуж за маркиза де Меревиль, сельского дворянина, имевшего большие поместья в Орлеане.

Несмотря на то, что долго занимал «важные» должности, судья умер бедняком, оставя сына Даниэля двенадцатилетним сиротой без какого-либо другого состояния, кроме маленького дохода со стороны матери; конечно, Даниэль мог бы считаться будущим наследником своего дяди Ладранжа Брейльского, не только не проживающего своего состояния, но постоянно всеми способами, более или менее благовидными, увеличивающего его, но брейльский дядюшка, с которым сейчас познакомится наш читатель, далеко не был человеком, способным на малейшую жертву для бедного родственника. Он не прежде согласился принять на себя обязанность опекуна Даниэля, как убедаясь, что у мальчика есть достаточно своих средств, чтобы не быть на его содержании; впрочем, его обязанность как опекуна ограничивалась весьма малым: отдав своего племянника полным пансионером в Шартрское училище, он видел его только во время каникул, когда мальчик являлся в Брейль пользоваться по теории и на практике уроками суровой экономии; позднее, чтобы окончить образование, дядя отправил его в Париж, откуда Даниэль возвратился уже адвокатом. При каждом удобном случае дядя предупреждал Даниэля, чтобы расходы его ни под каким видом не превышали ни на один лиард его маленького дохода, и молодой человек строго сообразовывался с этими предостережениями.

Но если Даниэль находил одну суровость и эгоизм в своем опекуне и дяде, то совсем другое встречал он в тетке своей госпоже де Меревиль. Маркиза всегда горячо любила своего меньшего брата, и всю силу этой привязанности перенесла на его сына, так что даже и маркиз всей душой полюбил сироту. Когда мальчик являлся провести несколько дней в Меревиль, маркиз осыпал его подарками и всячески старался доставлять ему удовольствия, приличные его детскому возрасту, но которых опекун лишал его.

Немного позже, когда Даниэль изучил закон, маркиз, немного сутяга, как быть следует всякому хорошему помещику, любил советоваться с ним насчет своих тяжёбных дел и о своих воображаемых или действительных правах; но что более всего привлекало Даниэля в Меревилях, это его кузина Мария, прелестный ребенок, выросший на его глазах, и за постепенным ее развитием он сам мог следить. Дружеская короткость, установившаяся в их отношениях, может быть, с переходом в юношеский возраст перешла бы и в любовь, но ничто похожее на признание не было произнесено ни одним из них; они уж так давно любили друг друга, это чувство в них было так естественно, что они и сами, может быть, не подозревали, какого оно свойства, впрочем, и то сказать, они так редко виделись, а в последнее время в жизнь обоих нахлынули такие потрясающие душу обстоятельства, что им положительно было не до анализа своих чувств.

Итак, в этих двух родственных домах, так различных между собой, как Брейль и Меревиля, проходили короткие отпуска, даваемые Даниэлю его трудными занятиями, и легко отгадать, какой из двух он предпочитал; проведя несколько недель у дяди Ладранжа, он делался мрачным, после же нескольких дней пребывания в гостеприимном Меревиле веселье и свежесть возвращались на его личико, глаза загорались снова своим обычным блеском, а пылкая душа рвалась в юношеских порывах. Однако веселые пребывания в Меревиле не были способны отвлечь молодого человека от его забот о своем будущем. Благородно-честолюбивый, не надеясь ни на кого кроме себя, он усидчиво трудился, готовя себя к роли, предстоящей ему в обществе, зато когда он вернулся в Шартр со званием адвоката, то все говорило жителям города, что они приобретают дельного, неподкупного чиновника, каким был его покойный отец.

Здесь скажу я несколько слов о его свободных идеях, так вооружавших против него его тетку.

Как известно, принципы, во имя которых совершилось падение монархии, не принадлежали исключительно одному какому-нибудь из сословий; когда взрыв последовал, то все светлые умы в дворянстве, как и в среднем классе, в духовенстве, так и в народе сходились на убеждении о необходимости перемены правления; расходились лишь во мнениях – в каких границах должна заключаться последующая реформа?

Магистратура, которая особенно, как орган парламентов, так долго и упорно боролась с неограниченностью власти, была давно уже склонна к оппозиции и свободе.

В этом заключалась точка отправления Даниэля Ладранжа. Уважаемые законоведы, старинные друзья его отца, посвятили его в некоторые истины, переходящие от одного поколения к другому; с другой стороны, изучение прав, чтение великих мыслителей восемнадцатого века, а может быть, и чувство великодушия, влекущее всегда молодых людей к защите угнетенного класса, бросили его в круг новых идей, и, конечно, никто чистосердечнее его не приветствовал революцию.

Между тем как заговорщики оспаривали друг у друга влияние на ход революции, Даниэлю хотелось бы остановить ее в известных границах; но, впрочем, если он и сожалел, что эти границы были перейдены, то все же он этого не очень пугался и вот почему: когда он определился в Шартрский суд, он особенно сошелся с одним из своих новых товарищей по службе, человеком высокого ума и необыкновенному красноречию которого все удивлялись. Собрат этот был знаменитый Петьон де Вильнеф, назначенный местным Шартрским правлением депутатом в общее собрание. Петьон оценил возвышенный образ мыслей, смелость и энергию Даниэля Ладранжа; после расставания между ними установилась деятельная переписка. Петьон направлял мысли своего молодого друга, поддерживал его в отчаянии, до которого часто доводили его неистовства партий, и в виде утешения указывал ему всегда в конце всего этого на великое перерождение общества, о котором они оба мечтали.

Сделавшись мэром Парижа и президентом Национального собрания, Петьон облек Даниэля своим полным доверием, дал ему огромные права в стране. Ладранж, бывший номинально не более как мировой судья, в сущности же был предводителем умеренной революционной партии в провинции, и часто, благодаря своему влиянию, ему удавалось спасти изгнанника или предупредить какое-нибудь гибельное увлечение.

К несчастью, покровительство своего старого сослуживца он вдруг потерял. Петьон, побежденный в борьбе своей против ла Монтаня, обвиненный, принужден был бежать и умер ужаснейшей смертью в окрестностях Бордо с двумя другими депутатами, объявленными, как и он сам, вне закона.

Говоря с госпожой Меревиль о только что утраченном влиятельном друге, Даниэль говорил о Петьоне.

Жестоко огорченный в своих привязанностях и разочарованный в верованиях, Ладранж действительно чувствовал отвращение к победившей партии; но как было остановиться ему на скользкой покатоности дороги, по которой он пустился? Он знал, что всем известное отношение его к Петьону делало его самого подозрительным для господствующей партии, а потому не только сознавал, но был уверен, что при малейшей его нерешимости он мог пропасть, а это лишило бы последней поддержки меревильских дам и его дядю, которого уже не раз единственно его влияние спасало от раздражения черни.

Все эти соображения вынудили его решиться не высказывать своих настоящих мнений и скрывать свое отвращение к первенствующей партии; а потому незаслуженная несправедливость тетки, несправедливость, которая только слегка сглаживалась словами Марии, расшевелила в душе его все горькие сомнения.

Направляясь по аллее к замку, он мысленно спрашивал себя, действительно ли нет никакой доли правды в словах маркизы и достаточно ли извиняют его поведение желание и необходимость оберегать родных и, наконец, свою собственную свободу? Но мрачный и запустелый фасад Брейльского замка, показавшись из-за деревьев, дал другое направление его мыслям.

Брейльский замок – было старинное, массивное, четырехугольное здание, находившееся, вследствие скупости настоящего владельца, в состоянии весьма близком к разрушению: столетние дубы, его окружавшие, отнимали у него и свет, и воздух, и при виде всех окон, постоянно затворенных ставнями, должно было счесть замок нежилым; кровли везде заросли мхом, а из больших каменных труб нигде не виднелось и струйки дыма; вообще, все здание до того обросло сверху донизу и со всех сторон высокими травами, что казалось, будто оно прячется от посторонних глаз. Ни одна курица не кудахтала на большом дворе; на заржавевших флюгерах не было видно ни одного голубя, только из окружающего леса слышалось по временам пение и крики диких птиц.

Передний двор по обыкновению был обнесен железной решеткой, и сверх того еще изнутри был сделан крепкий тесовый забор, не позволяющий постороннему глазу Проникать внутрь двора. Ворота, прочно заколоченные, казалось, уже давно не отворялись, да и дворницкая, видневшаяся сквозь доски, стояла с провалившейся крышей и скорее походила на развалину, чем на жилое помещение. Вследствие этого, конечно, Даниэль, хорошо знакомый с порядками в доме дяди, стал пробираться к маленькой двери, устроенной в одной из высоких каменных стен, окружавших здание, и наполовину закрытой плющом, как к единственному входу в Брейльский замок.

Когда, подъехав, он хотел сойти с лошади, то в нескольких шагах от себя заметил человека, неподвижно стоявшего и с большим вниманием рассматривавшего замок; углубленная в свое созерцание личность эта даже не заметила его приближения, и только обернувшись на шум, произведенный лошадью Даниэля, и взглянув на всадника, незнакомец засвистал и пропал в лесной чаще.

В эти времена смут малейшее, ничего не значащее, по-видимому, происшествие подавало уже повод к подозрению, а потому, не будь Ладранж так сильно занят в это время другими соображениями, он непременно захотел бы узнать причину, привлекающую этого бездельника к дому его дяди, но в данную минуту возбужденное этим явлением подозрение Даниэля тотчас же стушеввалось, и, соскочив с лошади, он торопливо подошел к двери и дернул за старую, в узлах веревку, висевшую тут.

Не прошло и пяти минут, как дом, казавшийся до тех пор нежилым, вдруг будто бы очнулся, внутри его поднялся звонкий собачий лай; произошла общая суета, несмотря на которую молодому человеку пришлось прождать еще минут пять, по крайней мере, пока человеческое существо явилось на звон его колокольчика; он собирался уже звонить второй раз, как послышалось за стеной шлепанье башмаков и старушечий крикливый голос спросил на местном аргю:

– Кто там опять лезет? уж, верно, какой-нибудь бродяга!.. С Богом идите дальше, здесь ничего не дают.

Даниэлю был хорошо знаком этот сварливый голос, а потому он нетерпеливо ответил:

– Это я, Петронилла! Откройте скорее, мне нужно спешно увидеть дядю!

Но просьба эта не привела к желаемому результату, только форточка, проделанная в двери, тихонько отворилась и в ней показалась старушечья всклокоченная голова, глядевшая на посетителя скорее удивленным, чем обрадованным взглядом.

– Это кто? Даниэль? Кой черт мог ожидать его сегодня сюда! Но вы, надеюсь, милый мой, ехали через ферму и, конечно, там пообедали, что было бы весьма кстати, так как у нас съестного мало чего водится.

Говоря таким образом, старуха не торопясь отодвигала один за другим огромные засовы, запиравшие дверь; конечно, ни одна крепость в мире не могла надежнее охраняться, чем Брейльский замок.

Наконец дверь, заскрипев на своих заржавевших петлях, отворилась, и Даниэлю можно было войти. Увидав, что он ведет за собой и лошадь, старуха опять заносчиво крикнула:

– Милосердный Господь! Да в уме ли вы, Даниэль, что ведете к нам и свою клячу? У нас ведь нет ни сена, ни соломы, а что касается до конюшни, так в ней давным-давно уже и крыши нет, прошлую зиму еще я сожгла все желоба и стропила; к тому же вы ведь, конечно, долго здесь не останетесь, не так ли? Вероятно, вы сегодня же вечером и уедете. Тогда она может пощипать и этой высокой травы, которой везде много, а Иероним принесет ей ведро воды, вот и будет с нее на этот раз.

Двор, на который вошел Даниэль, действительно сплошь был покрыт крапивой и волчицей, росших среди валявшихся то тут, то там земледельческих полусгнивших инструментов, телег без колес и бездонных бочонков.

На замечание Петрониллы путник наш ничего не ответил, зная бесполезность подобных переговоров; взяв под уздцы и распустив поводья своей лошади, он пустил бедное животное пользоваться скромным угощением, а сам последовал за госпожой Петрониллой.

Женщина эта, как казалось, управительница замка, была крестьянка из окрестностей, маленького роста, и при многочисленности носимых ею юбок представляла собою нечто вроде шара; между тем качество ее туалета не восполнялось числом, так как вся она была в лохмотьях. Костлявое лицо Петрониллы, ее красные, вечно моргающие глаза, широкий рот, который, раскрываясь, показывал только два черных зуба, длинных, как клыки кабана, все это, вместе взятое, составляло необыкновенно безобразное целое. Не переставая вязать и с невероятной скоростью шевеля своими старыми пальцами, старуха пошла вперед, положив клубок в свой испещренный заплатками передник и воткнув одну из спиц в отвратительную свою повязку.

Петронилла уже более тридцати лет находилась в услужении у господина Ладранжа Брейльского, а потому знала Даниэля еще ребенком, но ни одного приветливого, радужного

слова к племяннику своего господина не нашлось в черством сознанье, напротив того, она так недружелюбно взглядывала порой на него, что можно было предположить, будто встретила врага. Даниэль, не обижаясь нисколько на этот неприязненный прием, спросил только, здоровы ли все в замке.

– Здоровы, здоровы! Вот сами сейчас увидите, – сердито отвечала старуха, – хотя это, может, и не совсем-то выгодно наследникам, ожидающим наследства и для этого приходящим обедать сюда, но что же делать? Все же это так, как ни печальна действительность.

Привыкший к дерзким выходкам экономки, Даниэль не обратил на нее внимания, а может, озабоченное состояние духа помешало ему даже понять и смысл ее речей. Итак, пробираясь посреди разного хлама, покрывающего двор, они пришли к входной двери замка, находящейся на противоположном фасаде. Прошли они и мимо конуры старой собаки, все еще не перестававшей лаять, гремя своей цепью; но только что животное узнало вновь прибывшего, как сердитый лай ее превратился в радостное ворчание и она замахала хвостом; быть может, припомнились старому псу в эти минуты кусочки хлеба, потихоньку приносимые ему Даниэлем-школьником! Рассеянно приласкав доброго сторожа, Даниэль пошел далее.

Внутренний фасад замка был так же мрачен, как и наружный; все окошки бельэтажа были плотно заколочены, только два или три, остававшиеся открытыми в нижнем этаже, свидетельствовали о жилых комнатах; но живые заборы и деревья сада, не подстригаемые с давних пор, а потому и сделавшиеся непроходимым лесом, образовали собою натуральные щиты, скрывающие это обстоятельство от прохожих, да и все остальное было, видимо, устроено с намерением показать постороннему глазу, что замок покинут своим хозяином. Собираясь всходить по расшатавшимся ступеням на крыльцо, молодой судья услышал позади себя застенчивый голос.

– Здорово и братство, господин гражданин Даниэль.

Нелепое это приветствие заставило обернуться молодого человека, и через кучу хвороста, служившего изгородью саду, он увидел молодого мужика, облокотившегося на заступ и глупо и приветливо ему улыбавшегося.

На этот раз Даниэль вернулся и, подойдя ближе к приветствовавшему его, дружески ответил:

– Здравствуй, Иероним! О, да как ты, милый мой, вырос!

Иероним не успел еще ответить, как старая Петронилла опять вмешалась.

– Ну вот, теперь будете и его заставлять попусту терять время, – начала она. – Тунеядец, который не зарабатывает съедаемого им хлеба.

Бедный Иероним, не смея больше говорить, принялся опять за работу, и Даниэль, в свою очередь, зная влияние этой женщины на дядю и признавая за необходимость не раздражать ее, удовлетворился тем, что, кивнув приветливо работнику, вошел в дом.

Большая комната, без потолка, с кирпичным полом, казалось, была общей залой нынешних обитателей Брейля, то была прежняя кухня в замке. Обставлена она была старой, разношерстной мебелью: в углу стояла старая кровать с ситцевой занавеской, хозяйственные принадлежности, стол с бумагами, хлебная квашня, охотничьи ружья и мялка для конопли; все это, покрытое толстым слоем пыли, являло в комнате такой беспорядок, какой только можно себе представить.

В этой комнате и смежной с ней заключались единственные жилые покои замка, остальные же, а их было много, были заперты и в них никогда никто не входил.

Около сломанного стола, на котором еще виднелось немного житного хлеба, стакан вина и два печеных яблока, сидел человек лет шестидесяти, высокий, худой, с красным осунувшимся носом, маленькими, блестящими, как у борова, глазами. На голове у него была старая треугольная шляпа, украшенная большой трехцветной кокардой, и из-под этого почтенного украшения выбивалось несколько прядей желтовато-белых волос. Костюм его состоял из длинного коричневого сюртука, прорванного на локтях и зашитого тут и на спине белыми нит-

ками, и из бархатных шаровар оливкового цвета, преобразованных в панталоны с помощью надставок внизу у ног из другой материи и другого цвета. Это был не кто другой, как владетель Брейльского замка Михаил Ладранж и, как все говорили, один из богатейших капиталистов старой провинции Перш.

Приезд посетителя его, казалось, сильно встревожил; при раздавшемся звонке он прервал свой скудный завтрак и стал боязливо вслушиваться; зато при виде своего племянника у него, видимо, отлегло от сердца, и, радостно вздохнув, он пошел ему навстречу, выказывая при этом столько радушия, сколько никогда еще не случалось.

– Ах, так это ты, мой молодчина! – весело выговорил он, протягивая к нему руки. – А я не ожидал тебя и немного испугался... Но что с тобой? – прервал он себя, заметив озабоченный вид Даниэля. – Уж не привез ли ты дурных вестей каких? Нет ли у вас чего нового там, в городе?

– Нет, нет, дядюшка! Нет ничего такого, чего бы вы не знали уже давно.

– Ну, в добрый час! А то я, видя твое такое расстроенное лицо... Но это, конечно, от усталости с дороги, пойдем, садись, да поешь со мною.

И он указал на остатки своего убогого завтрака. Даниэль сел, но есть отказался.

Дядя Ладранж продолжал:

– По крайней мере, ты не откажешься выпить? Петронилла! Там в шкафу ты найдешь бутылку, в ней еще винцо есть; принеси-ка ее сюда, чтоб нам с Даниэлем выпить за благоденствие нации и за истребление аристократов.

– Это еще что? Весь дом кверху дном повернуть, что ли? – грубо, как всегда, ответила экономка. – Малый-то, кажется, знаком с нашими-то порядками... – Но повелительный знак старого Ладранжа унял расхажившую старуху, хотя и ворча, но все же тотчас же исполнившую приказание. Из любезности Даниэль помочил губы в какой-то уксус, очень аккуратно ему налитый дядей, и который сам дядя пил с видимым наслаждением.

– Хочешь, верь мне или нет, Даниэль, – начал опять старик, – но я, в самом деле, я очень рад, что ты приехал: давненько уж собираюсь я все переговорить с тобой об одном деле, сильно меня озабочивающем, зная же тебя за честного гражданина и хорошего патриота, я надеюсь на тебя, дело идет об очень серьезном предмете... Ты увидишь... Надеюсь, ты у меня ночуешь?

Даниэль объяснил, что, к сожалению, он должен сегодня же вечером вернуться в город.

– Вы, конечно, знаете, дядюшка, что со смертью моего несчастного друга, знаменитого гражданина Петьона я сам чуть ли не в подозрении у членов комитета, а потому мое продолжительное отсутствие из города может быть худо перетолковано.

– Ты! В подозрении? – вскричал дядя Ладранж, радушие которого заметно при этом известии убавилось. – Ты, имевший такое влияние, творивший радость и горе в стране, что ж, разве ты делаешься врагом нации? В таком случае, предупреждаю тебя, я тоже отвернусь от тебя... твой друг Петьон, теперь можно это сказать, был действительно не более как умеренный, тайный партизан Капетов и их семейства, даже, может быть, секретно был и заграничный агент, и они хорошо сделали...

– Дядюшка! – перебил его в сильном негодовании Даниэль. – Вы забываете, что только благодаря Петьону мне удалось дать вам вид от революционного правительства – обстоятельство, которому единственно вы обязаны своим настоящим спокойствием и безопасностью.

– Тише, тише! Милый мой! – заговорил беспокойно Ладранж, оглядываясь кругом. – К чему так громко кричать?.. Нельзя знать, где может прятаться и подслушать тебя шпион! Но послушай меня, дитя мое, я старше тебя, а потому и опытнее тебя и хочу тебе дать совет. Старайся ты, чего бы тебе это ни стоило, держаться в хороших отношениях с теперешним правительством. Например, оно не любит аристократов и круто поворачивает их, ну что ж тут худого? Все несчастья нации происходят от этих аристократов, от которых мы до сих пор не можем очистить страну.

– Любезнейший дядюшка, – ответил Даниэль, – вы, кажется, забываете, что за несколько лет до революции вы писали государственному канцлеру, требуя привилегий на том основании, что фамилия Ладранжей была с незапамятных времен дворянской, хотя невнимательные предки оставили свои права на титулы в пренебрежении? Я видел в префектуре ваши письма.

Ладранж позеленел.

– Ты видел мои письма? – спросил он задыхающимся голосом. – Где они?

– Я их сжег, потому что, попадись они кому другому, вы бы пропали!

– Хорошо, о, хорошо! Благодарю тебя, благодарю, Даниэль, ты добрый малый! – воскликнул старик восторженно. – Конечно, я мог бы объяснить очень просто попытку, которую меня принудили сделать, но все же есть такие злонамеренные люди... Но довольно, оставим это; а так как ты, я убеждаюсь все более и более, истинный мне друг, то я расскажу тебе, Даниэль, дело, сильно занимающее меня в настоящее время; но, – прибавил он, пугливо поглядев на толстую Петронииллу, постоянно сновавшую около них со своим вечным бормотанием. – Ты, конечно, предпочтешь пойти в мою комнату?

– К вашим услугам, дядюшка! – сказал Даниэль.

– Между тем, позвольте мне прежде поговорить с вами о причине моего приезда сюда, и тогда уж я буду более спокойно слушать ваши сообщения, я теперь приехал с фермы, где видел известных вам особ...

– А! Ты их видел? – повторил старик, лицо которого опять нахмурилось. – Ну, чего же они хотят?

Даниэль с жаром изложил опасность, которой подвергаются меревильские дамы, оставаясь доле на ферме у Бернарда, где они, несмотря ни на какое переодевание, всякую минуту рискуют быть узанными, и кончил свою речь горячей просьбой принять их теперь же в Брейльский замок. Услыхав это предложение, старый Ладранж даже вскочил со стула.

– Несчастный! – воскликнул он в исступлении, – погубить меня ты хочешь, что ли? Мало тебе того, что ты уже раз навязал мне этих проклятых барынь? Стану я рисковать быть сочтенным за их соучастника, я, хороший патриот, всей душой ненавидящий аристократов. Ну, живут они теперь на ферме, и прекрасно, пусть там и остаются, а чтоб принять их сюда! Ни за что никогда не соглашусь! Ни для какого черта! Ведь это все равно, что свою голову самому на плаху нести.

– Для вас нет никакой разницы, что они на ферме, что они у вас, под вашим покровительством, и если их откроют, там ли, здесь ли, вы одинаково будете скомпрометированы.

– Ты прав, я не подумал об этом. Сейчас же предпишу Бернарду как можно скорее их спровадить, а если не послушается, то... Нет, он их отправит, или я его самого выгоню! Не хочу я, черт возьми, из-за этих шлюх сам быть в подозрении.

– Дядюшка! Умоляю вас, обдумайте хорошенько, что вы говорите! Да ведь это была бы подлость, на которую, я убежден, вы не способны: отказать в поддержке, отнять у родной несчастной сестры ее последнее убежище! Нет, серьезно обдумав, вы не можете остановиться на этом проекте.

– А между тем, остановился и иду сейчас же исполнить его, – сказал Ладранж, решительно вставая. – Петронилла! подай мне мою палку! надобно пойти мне на ферму!

– Милостивый государь! – запальчиво вскрикнул молодой человек, выведенный из себя, – прошу вас прекратить эту ужасную шутку; быть не может, чтоб вы серьезно собирались сделать подобную низость, но уж если вы на это способны, то объявляю вам, что я, со своей стороны, не оставляю вашу сестру и ее дочь, я буду покровительствовать им, буду везде за ними следовать, рискуя тем погубить себя вместе с ними. Конечно, ни моя, ни их смерть не слишком сильно огорчат вас, но мои услуги могли бы вам еще пригодиться. Три раза уж доносили на вас и чуть не арестовали, три раза я отвращал удар... Конечно, дурно с моей стороны, что я напоминаю вам об этом, но вы вынудили меня.

Ладранж был между двух огней.

– Я тебе верю, – наконец заговорил он, – это уж должно быть правда, если ты говоришь... но послушай, Даниэль, дитя мое, я не вижу тут никакой для тебя причины так жертвовать собой, можно быть добрым родственником, но когда уж дело идет о своей голове... Но ты не сделаешь всего, что тут наговорил, ручаюсь, что не сделаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.